

МИХАИЛ ТИТАРЕНКО

«МЫ БОРОЛИСЬ ЗА КИТАЙ, А НЕ ПРОТИВ КИТАЯ...»

Михаил Леонтьевич Титаренко — последний из китаистов советской эпохи, сумевших дать ценное и важное науке о Китае. Ученый, обладающий редким даром — способностью говорить и отстаивать свое мнение, даже если оно не укладывается в русло общепринятого. Человек, готовый поделиться с читателем сокровенными мыслями, относящимися к 1960–1970 годам — периоду, считающемуся «эпохой конфликта» в отношениях между Россией и КНР. М.Л.Титаренко говорит об этом откровенно, мужественно, с достоинством. Человек, как будто все знающий по своему опыту. Не можешь не восхищаться.

Родился 27 апреля 1934 г. в селе Лакомая Буда Брянской области. В 1939 г. переехали в село Шелаболиха Алтайского края. В семье, быстро оставшейся без отца (умер в 1940 г.), вместе со старшими братом и сестрой поднимался на ноги стараниями матери. Самый младший, оставшийся вдвоем с мамой, он пошел учиться в Шелаболихе, а затем в Барнауле. В 1949 г. поступил в Барнаульское педагогическое училище, которое окончил в 1953 году. В том же году поступил на Философский факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и в 1957 г. с четвертого курса поехал на учебу в Китай. В 1957–1958 годах обучался в Пекинском университете, с июня 1958 г. вместе с Философским факультетом был мобилизован на рабо-

ту в деревне. С сентября 1959 г. обучался на философском факультете Фуданьского университета (г. Шанхай), диплом которого получил в 1962 году.

В 1962 г. поступил в аспирантуру МГУ и заочно закончил ее через три года. Диссертация кандидата философских наук «Древнекитайская школа моистов и их учение (ранний и поздний период V–II вв. до н.э.)» (МГУ, 1965). Докторская диссертация «Критика методологических основ и политики маоизма» (МГУ, 1979).

В 1961–1965 годах — дипломатическая работа в представительствах Министерства иностранных дел СССР в Пекине и Шанхае. В 1965–1985 годах — референт, консультант по Китаю и Дальнему Востоку аппарата ЦК КПСС. С 1985 г. по настоящее время — 30 лет — директор Института Дальнего Востока РАН, член-корреспондент (1997) и академик РАН (2003). Лауреат государственной премии (2010), премии РАН им. Е.В.Тарле (2000).

Автор и ответственный редактор множества индивидуальных и коллективных работ объемом более 200 п.л.

2 апреля 2015 г. в Институте Дальнего Востока РАН состоялась публикуемая ниже беседа М.Л. Титаренко с д.полит.н. А.В. Виноградовым.

А.В. Михаил Леонтьевич, сегодня Вы один из известных востоковедов в России и самый знаменитый русский китаевед в Китае, директор Института Дальнего Востока, как Вы пришли в китаеведение?

М.Т. Это заслуга советской школы, организации системы образования, которая впитала в себя все лучшее из предыдущих педагогических систем начиная с Аристотеля, Я.А. Каменского, И.Г. Песталоцци, К.Д. Ушинского, Н.Г. Чернышевского, Л.Н. Толстого.

Мне необычайно повезло на учителей с самого детства, с сельской школы в Шелаболихе Алтайского края. Учителя делали учеников соучастниками всего важнейшего, что происходило в стране – строек, хода Отечественной войны. Ученики были в курсе жизни страны, а не только своего колхоза и деревни.

Мой отец умер, когда мне было 6 лет, в 1940 году. В год, когда началась война, я пошел в школу в первый класс. Мой брат Сергей в июле 1941 г. добровольцем пошел учиться на танкиста и затем прошел всю войну. Трижды горел в танках – мы трижды получали «похоронки», но он трижды усилиями замечательных военных врачей воскресал. Вернулся домой в 1946 году, но потом опять ушел в ряды армии и до конца жизни работал в армейских учреждениях. Старшая сестра, Надежда, бросила 10-й класс и поехала в Барнаул работать на военном заводе.

Мы остались с матерью, Марией Леоновной, вдвоем. Она работала в колхозе, вставала в 4 часа утра, готовила еду на день и в 5 уходила на работу. Домашнее хозяйство – огород, корова, куры – оставалось на мне. Половину урожая с приусадебного участка и значительную долю молока и яиц отдавали в качестве налога фронту. В 1942 г. весной к нам в село приехала партия ленинградцев, вывезенных из блокадного города.

Первый интерес к Китаю проявился на школьном уроке истории в 6-м классе. Учительница поручила подготовить информацию на 15 минут – о ходе китайской революции, борьбе Мао Цзэдуна с Гоминь-

даном. Она сказала, какие посмотреть газеты, послушать радио, подобрала в библиотеке книжки. Сообщение в классе ей показалось интересным. Она была агитатором и взяла меня с собой к колхозникам. Это было мое первое публичное выступление о Китае.

В 1948-1949 годах я закончил 7 класс в школе № 13 г. Барнаула и поступил в Барнаульское педучилище. Учиться в школе было трудно, я получал маленькую, но стипендию, потом стал получать именные стипендии. Педучилище сформировало осознанный интерес к Китаю, его философии и культуре.

Наибольшее влияние оказал на меня Антон Онуфриевич Вадимов, заслуженный учитель России, который преподавал у нас педагогику. Он рассказывал про Каменского, Ушинского, Песталоцци, о школе Л.Н.Толстого и, конечно, об идеях китайских мыслителей – Лаоцзы, Конфуция, Мэн-цзы и Мо-цзы. С этого момента началось становление человека, изучающего китайскую культуру, философию, характер и китайскую цивилизацию.

В 1953 г. закончил училище с красным дипломом. В мае меня вызвал директор Иван Григорьевич Попов и сообщил, что педсовет рекомендовал мне продолжить учебу в МГУ на философском факультете. Я направил документы, но они пришли с опозданием на один день. Диплом был «красный», экзамены сдавать было не нужно, но вместо этого было необходимо пройти собеседование.

Ректор МГУ академик И.Г. Петровский поинтересовался откуда я, почему решил приехать поступать, объяснил, что ситуация непростая, но пообещал что-нибудь сделать. Позвонил на философский факультет профессору Василию Сергеевичу Молодцову: «Все ли списки заполнены? Если откроется место, то есть один молодой человек, которого я Вам рекомендую, посмотрите». Пришел к профессору, он задал вопросы – кто, откуда, почему, чем интересуюсь. В результате говорит: «Список не составлен, решение будет принимать комиссия, считайте, что собеседова-

ние Вы прошли». На следующий день, к обеду, – висит список, в самом конце добавлена моя фамилия.

На втором курсе взял тему курсовой работы «Диалектика в книге “Дао дэ цзин”» и впервые познакомился с трудами Го Можо. Тогда не знал, что он президент Академии наук КНР, но знал, что Го Можо – замечательный специалист по китайской философии и истории. Решил написать ему письмо. Послание было адресовано: «Китайская Народная Республика, Пекин, Академия наук Китая, товарищу Го Можо». Это было в декабре 1955 года.

Месяца через четыре, в апреле 1956 года, получил ответ на одной странице красивым каллиграфическим почерком от руки. Китайцы помогли его перевести. Письмо было такое (цитирую по памяти): «Дорогой советский друг, мне очень приятно было получить твое письмо. Очень хорошо, что ты интересуешься Китаем. Но должен тебе сказать, мой советский друг, что, если ты хочешь серьезно заниматься китайской философией, то для этого нужно знать китайский язык и не просто китайский язык, не только современный китайский язык, потому что классическую китайскую философию нужно читать в оригинале на *вэньяне*. Что касается «Ин фу цзина», то книжка представляет собой интересный научный труд, но относится к значительно более позднему периоду, III–IV веку».

Начал заниматься китайским языком самостоятельно, потом написал заявление в деканат. Через неделю индивидуальные занятия со мной поручили Юлии Николаевне Исаенко. Она преподавала китайский язык на филологическом факультете и жила на Таганке. Прозанимался с ней больше полугодом.

Осенью 1956 г. во время событий в Польше и Венгрии в СССР приезжал Чжоу Эньлай. Обсуждался вопрос о культурных и научных связях. Товарищу В.П. Елютину, министру образования, была дана команда сформировать первую группу советских студентов и стажеров для обучения в Китае. Мои товарищи знали, что я изучаю китайский, и так я попал в список и с четвертого

курса уехал в Китай. В первой группе было 56 человек, выехали 5 февраля 1957 года, прибыли 14 февраля. Это была годовщина Договора о дружбе. Нас очень хорошо встречали, с цветами, были представители министерства.

Первые полтора года я был погружен в изучение языка на филологическом факультете. Тема работы появилась, когда в 1958 г. после года обучения дали параллельно древний китайский язык – *вэньянь*. Сказали, что могу ходить на лекции на философский факультет, а научным руководителем будет проф. Жэнь Цзюй.

Но поскольку моего уровня китайского языка для понимания этих лекций было недостаточно, то после каждой лекции профессор Жэнь Цзюй, а он жил в Чжунгуанцунни, – приглашал меня домой.

В 1958 г. закончил спецфакультет китайского языка и начал изучать китайскую философию на философском факультете Пекинского университета. Однако в июне 1958 г. по указанию председателя Мао факультет был отправлен учиться у крестьян. Я был единственным иностранным студентом, который вместе со всеми отправился в деревню.

В деревню уехали преподаватели – Фэн Юлань, Жэнь Цзюй, Фэн Дин. Я скоро вышел в передовики сельхозработ (копка арахиса, сбор кукурузы, молотьба риса), экскурсии водили смотреть, как работает советский товарищ – «Миша *тунчжи*». Я просто физически был сильнее, работал ритмично, без перерывов, а они питались очень плохо, 20 минут работают, 20 минут отдыхают. Я был первым европейцем, которого они видели. Быть в шкуре объекта экзотического наблюдения и любопытства, конечно, утомительно и не очень приятно.

Должен сказать, что принял правильное решение вместе с китайскими студентами поехать в деревню, увидел трудную сельскую жизнь, китайскую реальность. Ведь я был допущен в глубинный, внутренний слой китайской культуры, который для иностранцев обычно закрыт, и сейчас остается таковым, но мне приоткрыли двери,

ко мне прониклись доверием, и я старался не злоупотреблять им, а оправдать его. Отношение ко мне было очень теплым не только со стороны преподавателей и товарищей по учебе, но и со стороны деревенских тружеников — «коммунаров».

Посольство ежемесячно собирало советских студентов, каждый раз отмечалось, что Титаренко отсутствует. Адресованная мне телеграмма немедленно призывала в Пекин, чтобы определиться с дальнейшей судьбой. В посольстве меня ждала взбучка, хотя я оправдывался тем, что рассказал про коммуны, и даже статью написал в «Коммунист». Меня покорила энтузиазм и необыкновенная вера в реальность мечты о счастливой жизни. Пробыв более семи месяцев в деревне, я оказался свидетелем создания народных коммун и классовой борьбы.

Вернувшись в Пекин, я обнаружил, что философского факультета больше нет, так как Бэйда¹ был на перевоспитании, а философский факультет Фуданьского университета уже прошел эту «закалку», и меня осенью 1959 г. отправили в Шанхай для продолжения учебы. 30 сентября 1959 г. я прибыл в Шанхай. В Фуданьском университете приняты хорошо. Определили в квартиру на четыре татами в маленьком японском домике, в общежитии для студентов не было отопления, а для меня создали определенный комфорт.

Научным руководителем диплома был декан, известный китайский философ Ху Цююань. Его жена проф. Чэнь Гуйжу, была первым переводчиком работы В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Они опекали меня как близкого человека.

На защите выступил проф. Ян Баймин. В своей работе я набрался смелости оппонировать человеку, который поставил меня на путь изучения. Я отважился выразить несогласие с оценками Го Можо, который считал Мо Ди реакционером и фашистом. Преподаватели отметили самостоятельный подход исследователя, но острые политические моменты обошли.

На общем собрании в связи с завершением учебного года ректор университета профессор Чэнь Ваньдао объявляет: «Диплом номер один выдается иностранному студенту, гражданину СССР, товарищу Мише». Мое имя они сочли за фамилию. После собрания пришлось объяснить, что такой диплом — «филькина грамота». Через неделю декан факультета Ху Цююань выдал диплом на фамилию Титаренко.

А.В. Вы стали дипломированным китайцем, как складывалась дальше Ваша профессиональная судьба?

М.Т. Возвращение в Москву было в июле 1962 года. На философском факультета МГУ им. М.В.Ломоносова профессора Ю.К. Мельвиль и В.В. Соколов предложили остаться в аспирантуре. Однако последовал звонок из МИДа: в Шанхае я поддерживал связь с консульством. Меня просили объяснить, как понимать с точки зрения китайской философии те или иные явления в Китае, я прочитал в консульстве доклад. В общем, зарекомендовал себя как человек, который понимает происходящие в Китае процессы, в МИДе таких было немного. Генконсулом был В.А.Кривцов, философ, специалист по китайской эстетике. Из консульства написали в МИД, что хотят меня пригласить на работу.

Несколько месяцев стажировался в МИДе, а потом назначили в Шанхай драгоматом. Это официальный переводчик и страновед, в царских посольствах это был второй человек после посла.

Стал востребованным человеком как специалист по идеям Мао Цзэдуна, связям современной идеологии с традиционной. В 1962 г. в марте по собственной инициативе написал записку о том, каковы истоки идей Мао Цзэдуна и как в Китае трактуют их соотношение с марксизмом. Ее смысл был в том, что в Китае происходит преломление марксизма к объективным потребностям страны, ее культуре и образу мышления; идет поиск ответов на вопросы, на которые в условиях китайской

¹Сокращенное название Пекинского университета. — Прим.ред.

практики, китайских реалий марксизм ответов не давал. Главная идея состояла в том, чтобы адекватно понимать специфику страны и уровень ее развития. Существующие отклонения не диктуются злой волей кого-то, а диктуются жизнью.

В.А. Кривцов прочитал записку и отправил ее в Пекин послу. Как мне сказали, потом Степан Васильевич Червоненко записку исчертил. Приказал перепечатать посольским шрифтом и отправил с сопроводительным письмом лично Ю.В. Андропову. Потом в архиве ее показали, она также была изрисована.

А.В. Всего за несколько лет Вы смогли посмотреть на ситуацию по-другому. Что повлияло на изменение Ваших взглядов?

М.Т. Конечно, видел трагедию, которую переживал Китай. Под окнами Генконсульства останавливались джонки голодных людей. Возвращаясь из города, испытывал большое потрясение от вида голодающих.

Одна из причин трагедии в советско-китайских отношениях в 1960–1970-х годах была связана с несовпадением мировоззрений, формировавшихся под влиянием разных уровней развития одной и другой страны, непониманием лидерами двух стран, что социализм на отсталой экономической и культурной базе построить нельзя.

Заслуга Дэн Сяопина в том, что он осознал в ходе «большого скачка» и «культурной революции»: построить бедный социализм невозможно. Он заявил, что Китай находится на самой низшей стадии социализма. Этого понимания тогда не было. И у нас, и у них господствовало другое представление: о том, что можно построить социализм, минуя капитализм. Появилась «теория» некапиталистического пути развития, который приведет к социализму. Вдохновителями теории были Б.Н. Пономарев, Р.А. Ульяновский, делавшие свои построения на основании ленинского высказывания о том, что путем политической мобилизации, политических и идеологических воспитательных средств можно ускорить и перепрыгнуть этап развитаго капитализма.

На основе идеи Маркса о том, что русская община содержит в себе элементы, аналогичные организационным структурам социализма, теоретиками была выдвинута концепция некапиталистического развития. Она нанесла колоссальный ущерб, давала идеологическую базу, основание для особой политики в отношении Монголии, наших среднеазиатских республик, особых отношений с Китаем, Вьетнамом, Индией, рядом стран Африки и Латинской Америки. Политика и экономика подменялись идеологией. Экономика, социально-экономические реалии подменялись формулами. Получилось, что говорили «марксизм», «ленинизм», «диалектический материализм», а на самом деле получился субъективный идеализм и волюнтаризм. Идеологические формулы оказывались первичными, а экономика подгонялась под эти формулы.

Так начали строить «социализм» в средневековом Афганистане, в Анголе, Эфиопии. У классиков давно было сказано, что социализм – высшая стадия развития общества, когда развитие материальных сил, науки, культуры отвечает высшим критериям, создано изобилие материальных и духовных ценностей. А китайские крестьяне были вынуждены жить на подножном корму, на 60 юаней в год. Успехи первого десятилетия вскружили Мао Цзэдуну голову. Естественным образом возникло желание вырваться из многовековой нищеты, отсталости в стране с древнейшей культурой, которая два столетия назад была первой в мире.

А.В. Что было после Консульства в Шанхае, как дальше складывалась Ваша дипломатическая карьера?

М.Т. Консульство было закрыто 30 сентября 1962 году, когда произошел крупный скандал между Мао Цзэдуном и Хрущевым. Поводом стало то, что проживавшие в Синьцзяне 12 млн уйгурского населения, а также многие тысячи казахов, киргизов, калмыков, таджиков, подверглись насильственной китаизации и вытеснению с удобных земель китайскими военными поселениями.

Местное руководство допустило крайние ошибки в национальной политике. Это вызывало, естественно, недовольство уйгуров, казахов и других неханьских народов Синьцзяна. Целые поселения уйгуров, казахов решили бежать в Советский Союз. Шестьдесят с лишним тысяч с обозами, на осликах, на лошадях, на верблюдах направились через пограничную станцию Аланашколь, станцию Дружба, через Чжунгарские ворота и пришли в Советский Союз. Это разозлило Пекин, который потребовал закрыть советское консульство в Урумчи. Только в Синьцзяне было четыре консульства.

Хрущев в ответ совершил глупый шаг, думая, что тем самым наказывает Китай. Были закрыты советские консульства — в Харбине, Тяньцзине, Шэньяне, Ухане, Дальнем, Шанхае, Гуанчжоу. Приказано было сделать это в кратчайший срок, чтобы 30 сентября 1962 г. нашего духа не было в Шанхае. Бумаги были сожжены, что нужно было для архива — отправили в Москву.

Вечером 30 сентября вице-консул М.М. Турчак приказал открыть двери и окна, выходящие на главную улицу Шанхая и устье рек Хуанпу и Сучжоу, поставили магнитофоны, которые были в консульстве, и включили на полную мощь. В центре Шанхая неслась русская музыка, песни «Широка страна моя родная», «Катюша», «Москва—Пекин». Песни, которые китайцы прекрасно знали. Поздно вечером того же дня мы сели в поезд и уехали. Меня направили в посольство в Пекин.

Здание консульства в Шанхае передали китайцам с правом использования этой собственности. Это была большая территория: клуб, теннисный корт, волейбольная площадка и детский бассейн. В 1990-х годах с большим трудом здание вернули. Сейчас там тоже консульство, но территорию власти значительно урезали, построив две гостиницы.

В конце 1962 г. мне был присвоен ранг атташе, а через год — третьего секретаря. В Пекине проработал до ноября 1965 года. Ко мне было хорошее отношение со стороны коллег, потому что я владел китайской

идеологической и общественной ситуацией, чувствовал ее изнутри и сильно переживал по поводу назревавших событий. Это сопереживание помогало находить ответы на вопросы о том, что значат заявления китайских официальных лиц или публикации в печати. Любил ходить в китайские книжные магазины. Философия и идеология играли в Китае тогда большую, главную роль. Эту философию я немножко знал не только по лозунгам, но и по практической интерпретации. Мог чувствовать пульс идеологической жизни по официальной прессе.

А.В. Вы, один из немногих советских людей, которые имели возможность наблюдать события «большого скачка» и «культурной революции» изнутри. Как оцениваете события того времени с точки зрения сегодняшних китайских успехов?

М.Т. «Большой скачок», «культурная революция» — леваческий, волюнтаристский подход к процессу исторического развития. Их сторонники полагали, что историю можно подгонять плеткой. У Мао Цзэдуна после 1956 г. в позиции «младшего брата» и блокады Китая со стороны Запада произошел перелом в сознании. Он стал считать, что Китай сам может решить все свои проблемы. Появился не просто крайний волюнтаризм, субъективизм, но и национализм в форме китаецентризма и идеологии о длительности и богатстве китайской культуры.

Это огромная трагедия, но одновременно и этап поиска правильной линии, плата за выработку стратегии, которая способна мобилизовать общество на решение задач подъема Китая. Они поняли, что мешает подъему. Ошибочные методы были проверены практикой и отброшены. Если бы не было этих испытаний, то развитие Китая не было бы столь успешным.

В начале 1960-х годов началась политика «урегулирования». Проблемы страны и «вытаскивания» экономики из пропасти «большого скачка» были поручены Лю Шаоци, Чжоу Эньлаю, Чэнь Юню, Дэн Сяопину, Ли Фучуню, Бо Ибо и региональ-

ным лидерам; сам Мао отошел на второй план. Дэн Сяопин предложил предоставить право крестьянам на самоорганизацию производства и выдвинул тезис: «Не важно, какого цвета кошка, белая или черная. Важно, чтобы мышей ловила. Не важно, социализм или капитализм, важно, чтобы развивалась экономика».

В конце 1963 – начале 1964 годов, кажется, в г. Хэфее (провинция Аньхой) состоялось совещание работников идеологии. Лю Шаоци выступил с речью. Он говорил об уроках политики «большого скачка», признал, что были допущены ошибки, были переоценены возможности страны. Одновременно призвал «... и впредь твердо следовать намеченным ЦК КПК курсом, твердо руководствоваться марксизмом-ленинизмом и идеями Мао Цзэдуна». До этого официальная формула звучала так: «Руководящей идеологией КПК являются марксизм-ленинизм, идеи Мао Цзэдуна». Теперь же вместо запятой, объединяющей оба объекта в единое целое, появилась соединительная частица «и». Проанализировав материал, я пришел к выводу о том, что в выступлении Лю Шаоци «идеи Мао Цзэ-дуна» несколько обособляются от марксизма-ленинизма, что их стали толковать как содержащиеся нечто, отличное от марксизма.

Свои соображения доложил И.С. Щербакову – советнику-посланнику. Он заинтересовался фактом и поручил доложить С.В. Червоненко – послу. Посол выслушал соображения. Содержание выступления Лю Шаоци, говорил я, дают некоторые основания предполагать о наличии в высшем руководстве разногласий по вопросу соотношения идей Мао Цзэдуна и марксизма-ленинизма.

Большинство сотрудников посольства настаивало на том, что в высшем руководстве – «монолитное единство», однако посол, как позднее стало известно, все же доложил соображения в Москву. Оттуда пришло задание: особое внимание обращать на идеологические процессы в Китае. Адресовано это поручение было группе внутренней политики, которой руководил

И.С.Щербаков. Мне вместе со старшими дипломатами Б.Т.Куликом, В.И.Лазаревым было поручено внимательно читать прессу.

А.В. Как Вы пришли на работу в ЦК?

М.Т. В 1962 г. я поступил в заочную аспирантуру на философский факультет МГУ. Проф. В.В. Соколов стал научным руководителем. В 1965 г. летом надо было ехать в Москву готовиться к защите диссертации. Полагался дополнительный отпуск, но его не давали. Все свои выходные и многие вечера уходили на написание диссертации. В 1965 г. приехал в Москву, сразу позвонили из МИДа, сказали приехать на Старую площадь, подъезд 3.

Беседовал О.Б. Рахманин, который сказал, что есть мнение пригласить меня на работу в Отдел ЦК. «Вам оказывается большая честь и доверие», – сказал он. Мне был тогда 31 год. После успешной защиты диссертации я вернулся в Китай, собрал вещи, попрощался и поехал обратно в Москву. Жена Галина с сыном Андреем были в Москве.

В Отделе ЦК работал с ноября 1965 г. по 5 июля 1985 года. Сначала был назначен референтом китайского сектора, когда зав. сектором был О.Б. Рахманин (потом он стал первым заместителем заведующего Отделом ЦК). Со мной вместе работали такие знатоки Китая, как В.И. Лазарев, Б.Т. Кулик, Р.Ш. Кудашев, Т.Р. Рахимов, В.И. Шабалин, В.И. Антонов, В.Я. Сидихменов, Б.А. Бородин.

Сначала предоставили стол в комнате 412, где также работали Антонов и Рахимов. В.И.Антонов взял на себя шефство в учебном «цековском эпистолярном искусстве». В это время в ЦК работали В. Александров, Н. Коликов, В. Мушкетеров, Ф. Бурлацкий, А. Бовин, Л. Делюсин, Г. Арбатов, Н. Шишлин, Г. Шахназаров – цвет нашей политологии. Через два года А. Бовин предложил перевести меня в его группу в качестве консультанта, это самая высокая исследовательская должность. Сначала поручили, как «философу шанхайского уезда» (эту кличку В. Лазарев перенес из посольства в Отдел ЦК), изучение

идей Мао Цзэдуна, курирование исследований по Китаю, изучение внутренней и внешней политики КПК.

Работа в секторе Китая и группе консультантов была большой школой, еще одним, четвертым университетом для меня. Учеба в Китае в двух университетах и теоретическая база, полученная на философском факультете МГУ им. М.В.Ломоносова, на занятиях замечательных профессоров и педагогов – В.Ф. Асмуса, Т.И. Ойзермана, В.В. Соколова, И.А. Трахтенберга, П.С. Попова, А.П. Бутенко, А.А. Старченко, Е.К. Войшвилло, М.Т. Иовчука, Э.В. Ильенкова, А.А. Зиновьева, Г.Ф. Георгиева – помогли анализировать сложные процессы в КНР. Это давало «право голоса» на дискуссиях у Ю.В. Андропова, а потом К.В. Русакова, К.Ф. Катусева, М.В. Зимянина.

Когда нужно было отвечать на китайские полемические статьи, группе консультантов поступало задание. Принципиальные статьи публиковались в «Правде» под псевдонимом И. Александров. Они излагали официальную позицию советского руководства (так повелось со времен Сталина). Обычно работу возглавляли секретари ЦК или зав. отделами. С 1966 г. мне выпало быть приглашенным к подготовке материалов. Возглавляли работу по международной тематике секретари ЦК Ю.В. Андропов, Б.Н. Пономарев, а затем М.В. Зимянин.

Ю.В. Андропов был секретарем ЦК КПСС и заведующим отделом ЦК КПСС по связям с компартиями социалистических стран. В 1967 г. он был направлен Л.И. Брежневым руководить КГБ. Наш отдел возглавил К.В. Русаков. В отношении Китая шли поиски возможности продолжить идеологическую дискуссию именно как дискуссию. Ставилась цель сохранить межгосударственные отношения и искать пути их нормализации. В Китае этой линии придерживался Лю Шаоци. *Мы боролись за Китай, а не против Китая.* В моих под разными псевдонимами публикациях была не критика, не нападки и не было оскорблений народа Китая. Это была критика, порой очень острая, высшего эшелона китайского руководства.

До Даманского советская сторона не считала, что между Советским Союзом и Китаем может быть война. Однако в 1963 г. Мао начал готовить жителей к борьбе против СССР. Была острейшая полемика на Политбюро, где Лю Шаоци, Чжу Дэ и ряд военных высказались за то, чтобы полемике вести в более аргументированном стиле, без ругательств, и сохранить межгосударственные связи. Мао Цзэдун резко осудил эти взгляды и призвал военных «превратить китайско-советскую границу в сплошную кровоточащую рану».

В Китае между «бандой четырех» и поведением военных, особенно на местах, стали проявляться различия. Это проявилось в 1967 году, когда по приказу Цзян Цин хунвэйбины попытались разгромить и сжечь советское посольство. Неожиданно приехало 10 машин с военными, они пинками выгнали хунвэйбинов с территории советского посольства. В период «культурной революции» после 1967 г. посольство не тронули. Его охраняли армейские подразделения, а не служба безопасности. Никаких провокаций, все было достаточно «вежливо».

Руководство отдела ежегодно посылало меня в качестве гостя посла или поверенного в делах в командировку в Китай. Однажды в 1968 г. хунвэйбины пытались вытащить меня на «суд революционного народа». С одним товарищем я выехал из посольства на дипломатической машине в книжный магазин. Большая группа молодежи с красными повязками «хунвэйбин» остановили нас на пересечении Дунданиа и Чананьцзе. Светофор загорелся, машину окружили и начали палками бить по «Волге». Кричали «Вылезай на суд народа». Шесть часов держали в машине, пока посольство не заявило протест в МИД и нашу машину отпустили. Суд не состоялся.

А.В. Как складывалась Ваша судьба на новом месте работы?

М.Т. Руководство Отдела учредило кураторство научных публикаций по Китаю. Поэтому книги, которые готовились к печати по острым вопросам отношений, на-

правлялись Главлитом мне на рецензирование. Помимо основной работы по ночам приходилось сидеть над этими книгами. С одной стороны, это нагрузка, с другой — я учился. Удалось спасти от сверхбдительного ока чиновников Главлита и отдела пропаганды ЦК немало серьезных трудов о Китае.

Однажды Л.Н. Вознесенский — лектор Отдела пропаганды и Лев Оников из того же отдела — позвонили и попросили посмотреть задержанные Литом работы известного евразийца, доктора исторических и географических наук Л.Н. Гумилева. Ожесточенную кампанию против него вел академик Ю.В. Бромлей, директор Института этнографии АН СССР. В журналах по этнографии и географии велась открытая травля Л.Н. Гумилева. Он пришел ко мне вместе с Львом Николаевичем Вознесенским, принес гранки своих работ. С большим интересом ознакомился с трудом о гуннах, «сюнну», который содержал оригинальные, определяющие истоки евразийской культуры, истоки русской идентичности, где опровергались европоцентристские теории. Я поддержал необходимость издания.

Приходилось открывать зеленый семафор для монографий М.И. Сладковского, Я.М. Бергера, В.Г. Гельбраса, В.А. Кривцова, М.Ф. Юрьева, Л.Д. Позднеевой, Ян Хиншуна, Ф.М. Бурлацкого, Л.М. Симоновской, В.Г. Бутова, Ф.М. Быкова, Ю.М. Гарушьянца, А.В. Меликсетова и других. Руководствовался указанием Ю.В. Андропова о запросе на не только критические издания, но и книги, дающие объективную картину по истории, философии, культуре и современному положению Китая.

Первое серьезное задание, которое было дано в Отделе ЦК вместе с Отделом науки (В. Иванов) и Отделом информации (Г. Кюзаджан), было подготовить записку в Политбюро по поводу воссоздания Института китаеведения. Инициатива исходила от нашего Отдела. Эту идею поддерживали

Рахманин, Кулик, Сладковский. В начале 1966 г. вышло решение Политбюро ЦК КПСС о создании в рамках АН СССР Института по проблемам современного Китая на базе Отдела истории Китая при ИЭМСС АН СССР², которым руководил С.Л. Тихвинский, а затем Л.П. Делюсин.

Поскольку Мао Цзэдун критиковал китаеведение как «проявление колониализма», а термин «китаеведение» толковался как стремление «вести», руководить Китаем, то Институту по проблемам современного Китая было дано официальное название — Институт Дальнего Востока Академии наук СССР. В решении первоначально предусматривалось немало льгот для сотрудников Института Дальнего Востока, но позднее все нивелировалось, хотя и признавалось, что китаеведение нельзя приравнять к европоведению в силу больших трудностей овладения китайским языком и особенностями Китая. Был создан большой, уникальный институт.

В посольства в крупных странах, с которыми у Китая имеются отношения, было решено направить китаеведов. В правительственных организациях, которые занимаются поддержанием отношений с Китаем, должны быть китаеведы. Этот принцип был введен. В США, Франции, Германии, всех странах Азии, во всех соцстранах была создана должность первого секретаря. Эта система сохранилась: Китаем должны заниматься специалисты.

А.В. Как внутренние изменения в Китае отразились на советско-китайских отношениях? Какие ошибки были допущены руководством СССР и КНР в тот период?

М.Т. В 1969 г. по инициативе Мао Цзэдуна была организована провокация на пограничном острове Даманский. События показали, что это было сделано для того, чтобы показать китайскому народу и американцам (это было рассчитано прежде всего на них), что СССР — враг и Китая, и США, что советско-китайский Договор о союзе, дружбе и сотрудничестве — пустая

² Институт экономики мировой социалистической системы. — Прим.ред.

бумажка. Мао решил, по его словам, «пощупать зад у тигра», но так, чтобы это не спровоцировало большую войну. Военные исполнили. Потом они решили ее повторить, потому что первая прошла недостаточно убедительно, и организовали вторую провокацию в Казахстане в районе Желанашколя. Примерно 3 тыс. человек было сожжено системой залпового огня, в живых остался всего один человек, и тот сошел с ума.

Отсюда начало расти дело Линь Бяо. Он был ближайшим, вернейшим сподвижником Мао, был китайцем, патриотом-националистом, полностью поддерживал антиамериканские декларации. Когда он увидел, куда Мао ведет дело, он, как полагают, мог сказать: «Председатель Мао, мы выполнили Ваше указание 1964 г. о том, чтобы превратить советскокитайскую границу в сплошную кровоточащую рану. Мы ее превратили, организовали – события на Чжэньбаодао (Даманский) и в район Желанашколь. Но должен Вам доложить, что Народно-освободительная армия по своему вооружению не готова к полномасштабному противоборству с советской армией».

Американцы оценили ситуацию и намерения Мао. Г. Киссинджер передал китайцам сфабрикованные ЦРУ «секретные документы» о том, что Советский Союз якобы собирается нанести превентивный атомный удар по Синьцзяну, по китайским ядерным центрам. Линь Бяо стало известно, что готовится визит Р. Никсона. Он и его люди были готовы этому помешать. Стало ясно, что Линь Бяо и группа военных не разделяет намерения председателя Мао объединиться с США против СССР.

Мао Цзэдун находился с точки зрения здоровья в плохой форме, врачи сделали все, чтобы привести его в состояние, чтобы он мог хотя бы 30 минут побеседовать с Р. Никсоном. Они беседовали почти час. После того как Р. Никсон ушел, Мао Цзэдуна вывели, так как он сам не мог выйти из кабинета.

Во время визита Р.Никсона Мао Цзэдун фактически предложил заключить устный

китайско-американский альянс против Советского Союза. Тогда советское руководство очень серьезно отнеслось к опасностям, которые могли вытекать из этого альянса. Москва была вынуждена пересмотреть все планы развития народного хозяйства. Планы повышения благосостояния были отложены и силы были сосредоточены на создании ракетно-ядерного паритета с США и укреплении восточных рубежей, были усилены вооруженные силы на Дальнем Востоке.

Поэтому, выступая в Китае, я всегда говорю: в том, что рухнул Советский Союз, есть и вклад председателя Мао. США вместе с Мао втянули СССР в изматывающую гонку вооружений. Американцы воспользовались открывшимися для них возможностями в сотрудничестве с Китаем. Они прилагали усилия для создания проамериканской прослойки, «мягкой силы» внутри Китая, чтобы воспитать массу интеллигенции в духе американской системы ценностей. США немало преуспели в этом.

А.В. Вы сказали об ошибках китайского руководства в период 1960-х – начала 1970-х годов. А у советского руководства были ошибки в этот период?

М.Т. Были, конечно. Первая ошибка – готовность пожертвовать национальными интересами ради красивой идеи. Причем основное бремя жертвенности возлагалось на русский народ и его славянских собратьев. Правящая прослойка страны жила в условиях, близких к коммунистическим. Им была непонятна степень трудностей, которые переживал народ.

Постепенно произошел раскол между высшим руководством и остальной массой членов партии и населения. Они жили в разных измерениях. Когда Б. Ельцин, используя демагогические лозунги, начал крушить эту структуру, никто не выступил в ее защиту: такова была степень отчуждения массы от руководства. Цзян Цзэминь, Ху Цзиньтао, Си Цзиньпин перед учеными китайской Академии общественных наук ставили один и тот же вопрос: «Почему, когда Б. Ельцин запретил великую Комму-

нистическую партию Советского Союза, никто не вышел ее защищать?» Китайские ученые, идеологи в ответ на это издали сотни книг, тысячи статей, создали кинофильмы.

Отсутствие учета китайской специфики – это вторая ошибка. Руководство СССР было убеждено, что Китай должен строить социализм советского образца. Советское руководство отошло от традиций евразийства, которое диктует уважение интересов партнера.

Трагедия возникла, когда европоцентристское отношение к Китаю столкнулось с китаецентризмом Мао Цзэдуна. СССР – «старший брат», но при этом забыли, что есть такой арсенал китайской культуры, который оставался недоступным. Его надо изучать, обогащая себя, так же как китайцы осваивают нашу культуру и цивилизацию западных и восточных стран.

А.В. *А когда Вы это поняли?*

М.Т. Начал понимать в период пребывания в китайской деревне. Но перелом наступил в 1960 г. в связи с осмыслением статьи «Да здравствует ленинизм!», потому что это была принципиальная заявка на отстаивание ортодоксии марксизма. Н.С. Хрущев допустил ошибки – огульная критика Сталина на XX съезде Китаем воспринималась как несогласие с Мао Цзэдуном. Потом последовал демонстративный отзыв в 1960 г. советских специалистов.

В китайском руководстве было две точки зрения. Первая Мао Цзэдуна – линия на продолжение полемики. Вторая – Лю Шаоци и некоторых других – на партийном, политическом, идеологическом уровне вести полемику, а в межгосударственных отношениях постараться сохранить нормальные связи с Советским Союзом. Для Мао Цзэдуна это было неприемлемо, но поскольку в начале 1960-х годов на «первой линии» были Лю Шаоци и Чжоу Эньлай, то была предпринята попытка замирения. На празднование очередной годовщины Октября в ноябре 1964 г. приехала делегация во главе с Чжоу Эньлаем.

Однако в китайской делегации были как сторонники замирения, так и противники – в лице Кан Шэна. Маршал Р. Малиновский на приеме подошел к китайскому премьеру и с солдатской прямоотой заявил: «А чего это вы? Мы своего лысого прогнали, давайте и вы своего тоже». А рядом стоял Кан Шэн. Чжоу Эньлай заявил протест и ушел с приема, в Пекин полетели две депеши, одна от Чжоу Эньлая, другая от Кан Шэна. Чжоу Эньлай вернулся в Пекин. В аэропорту его встречал Мао Цзэдун и все китайское руководство. Те, кто выступал за направление этой делегации и примирение, оказались главными врагами лично Мао.

2 августа 1966 г. Мао Цзэдун опубликовал дацзыбао «Огонь по штабам!». Он собрал своих сторонников, протасил на пленум ЦК КПК хунвэйбинов и цзаофаней, им было дано право голосовать. Когда на параде хунвэйбинов на трибуне Тяньаньмэнь появилось руководство, Лю Шаоци оказался на восьмом месте, а был на втором. Рядом с Мао, прижимая цитатник к груди, стоял Линь Бяо. Так началась открытая травля тех, кого председатель называл «стоящими у власти и идущими по капиталистическому пути». Наши отношения с Китаем стали быстро ухудшаться.

А.В. *Вы начали работать в ЦК КПСС в середине 1960-х годов, как развивались тогда наши отношения с Китаем?*

М.Т. После срыва попытки примирения, поводом чему послужили слова Малиновского в 1964 году, А.Н. Косыгин при поддержке Ю.В. Андропова пытался продолжить поиск путей для ослабления напряженности в советско-китайских отношениях. В 1965 г. Косыгин снова полетел в Китай. У него была встреча с Мао Цзэдуном и беседы с Чжоу Эньлаем. Мао Цзэдун умышленно устроил прием так, чтобы продемонстрировать отрицательное отношение к миссии и ее главе. До глубокой ночи делегация сидела в приемной. Наконец, Мао принял ее лежа в постели. Огромная кровать была обложена старыми китайскими книгами-свитками. Рядом сидело все Политбюро. Мао потре-

бывал пересмотра политической линии Советского Союза. Попытка Косыгина к примирению была отвергнута Мао Цзэдуном. Он заявил: «Вы защищайте нас, а мы будем критиковать Вас до тех пор, пока камни не выступят из морских глубин».

В том же году А.Н. Косыгин полетел на похороны Хо Ши Мина. По дороге ему пришла мысль о возможности встречи с Чжоу Эньлаем. Во Вьетнаме он пытался уговорить Ким Ир Сена и Ле Зуана (у них были более доброжелательные отношения с Китаем), чтобы они повлияли на китайское руководство. Они ответили, что Мао их не слушает и с ними не встречается. Вылетая из Ханоя, Косыгин направил телеграмму Чжоу Эньлаю с предложением о встрече. В китайском руководстве это вызвало противоборство. В конце концов Чжоу Эньлаю разрешили: если хочешь – встречайся, но в аэропорту. Косыгина в страну не пустили, встреча состоялась в гостевом зале пекинского аэропорта. В ходе нее было достигнуто соглашение о возобновлении переговоров о границе. Вскоре после этого советский посол вернулся из Москвы в Китай, в столицу СССР возвратился китайский посол. Этот визит Косыгина сыграл свою позитивную роль.

А.В. Как Вы пришли в Академию наук?

М.Т. Решение Президиума АН СССР о создании Института Дальнего Востока было объявлено осенью 1966 года. Директором ИДВ АН СССР был назначен заместитель заведующего Отделом ЦК д.э.н. М.И. Сладковский, который курировал экономические связи с социалистическими странами и особенно с Китаем. В 1950-1960-х годах он был торгпредом СССР в Шанхае и Пекине. У него было немало публикаций по истории торгово-экономических отношений между Россией и Китаем, глубокое знание страны, где он много лет работал и до образования КНР. В 1920-х годах Сладковский выполнял деликатные поручения в Китае, подпольно встречался с Чэнь Юнем и другими членами ЦК КПК в Шанхае. Весьма опытный,

знающий, заслуженный китаист. Он директорствовал 18 лет до июля 1985 года. Поскольку у нас сохранились тесные связи, Институт сотрудничал с Отделом. Поддержание связей со стороны Отдела было возложено на меня.

На рубеже 1980-х годов стали чувствоваться сбои. В 1984 г. Сладковский тяжело заболел. Неизвестно, какие были кандидатуры, но борьба за этот пост шла между Отделом науки и нашим Отделом. Ситуация была сложная. Решением от 1 июля сначала назначили меня, но 3 июля М.С. Горбачев, получив письмо «неких влиятельных лиц», отменил это решение. Секретари ЦК КПСС и руководители Отдела ЦК, которые меня хорошо знали по работе – К.Ф. Катушев, К.В. Русаков, – обратились в Политбюро ЦК КПСС. Решение было вновь пересмотрено. 4 июля официально сообщили, что я утвержден директором ИДВ АН СССР.

А.В. *Отношения между Китаем и Россией в последнее время развиваются динамично, в чем причина сближения, каковы проблемы и ограничения?*

М.Т. Во-первых, оба государства извлекли урок из советско-китайского конфликта 1960-1980-х годов. Во-вторых, стороны осознали, что их интересам отвечает поддержание нормальных отношений. Китай увидел, что в лице российского руководства, которое не обладало менталитетом державности и гегемонизма, в лице России он может иметь партнера и соседа.

Был отвергнут тезис о гибели России. Эта страна обладает могучей армией, великой наукой и населением, обладающим высочайшим качеством – такой вывод сделали китайские аналитики в 1994 году. Для поддержания быстрого развития Китая нужны ресурсы, которых недостаточно. Где их взять? Во многом – благодаря сотрудничеству с соседом, Россией.

Китайцы увидели, что Запад пытается представить трагедию Советского Союза как «великую победу» идеологии. Участниками трагедии могут оказаться и другие государства, а среди них может быть и

Китай, которому Запад пытается навязать свои модели и ценности.

А.В. *Какие ограничения, на Ваш взгляд, самые серьезные в нашем сотрудничестве с Китаем сегодня?*

М.Т. Самых больших, на мой взгляд, три. Первое ограничение – европоцентризм, непонимание положения и геополитической роли России, что она может играть роль и раскрывать потенциал как евразийское государство.

Во-вторых, это китаефобия, предрассудки и мифы о «китайской угрозе». История опровергает эти мифы. Сотрудничество с этой страной недооценивается. Сказывается инертность, самонадеянность.

Третий момент – склонность прозападно-настроенной части истеблишмента не допустить сближения между Россией и Китаем. Эта политика ведется с двух сторон. В Китае складывается антироссийская прослойка, а в России – антикитайская. Надо понять сходство китайских интересов восстановления статуса великой мировой державы с интересами России. Необходимо адаптироваться к тому, что Китай восстанавливает позиции как региональная и как великая глобальная держава.

А.В. *А со стороны Китая есть ограничения?*

М.Т. Конечно, есть. Ниши, которые занимал Советский Союз в китайской экономике, заняты американцами, японцами, Европой. Осталось то, в чем те не заинтересованы. Космос – раз, военные технологии – два, атомная энергетика – три. Вот что нам осталось. В этих отраслях идет развитие. Но кто партнеры? Крупные частные китайские или российский корпорации? Нет. Почти исключительно корпорации, находящиеся под полным госконтролем с той и с другой стороны.

Перед Китаем возникла необходимость проведения настоящей культурной революции. Социализм нельзя свести к экономике; без высокого уровня культуры основной массы населения подлинные задачи модернизации и построения общества всеобщего благосостояния решить невоз-

можно. Си Цзиньпин поставил задачу с помощью великой идеи – китайской мечты – решить проблемы, стоящие перед страной. Нам остается лишь пожелать нашему великому соседу успехов в реализации планов мирного развития.

А.В. *Михаил Леонтьевич, кого, на Ваш взгляд, можно считать китаеведом?*

М.Т. Китаевед – человек, который владеет китайским языком, желательно не только современным, но и вэньянем, то есть древним китайским, осознает стержни китайской цивилизации, специфику китайской культуры, истории, национального самосознания, способен анализировать стратегию и тактику, цели китайской политики. Мое убеждение, не только личное, сводится к тому, что китайская философия – ключ к пониманию китайской культуры, идентичности и политики Китая. Можно знать очень много событий, фактов, но слабо, односторонне понимать смысл того, что знаешь. Как писал Георгиевский, китаевед должен понимать основные принципы существования Китая, его исторические основы, систему ценностей этого народа.

Но прежде всего, конечно, это владение языком. Го Можо, когда я в 1956 г. получил письмо, написал: «Если вы хотите серьезно заниматься китайской культурой, не из любопытства, не как хобби, не из любознательности, а если хотите серьезно заниматься китайской культурой, изучать китайскую философию, то, прежде всего, вы должны знать современный и древний китайские языки».

Перед китаеведами стоит задача расширить взаимопонимание и поле сотрудничества, поле взаимодействия наших культур, а значит, наших народов и государств. Как устранять препятствие предрассудков, мешающих развитию отношений между этими странами? Как определить принципы взаимоуважения систем ценностей, выбора каждого из народов?

Коллеги иногда говорят: русская культура и китайская культура абсолютно разные. Это так и не так. Китайская культура об-

ладает спецификой. Она исторически более массивна, особенно в некоторых частях, очень многопланова, как и наша культура. Но разные элементы этой культуры развиты по-разному, одни более развиты, другие менее.

Я служу идее дружбы и взаимодействия народов России и Китая. Убежден, что такое взаимодействие обеспечивает то, что Россия будет Россией, а Китай будет Китаем. Как субъекты, действующие лица мировой истории и культуры, они сохранятся очень долго. Разумеется, могут возникать проблемы в двусторонних отношениях, но

многое будет зависеть от поведения России.

Китай никогда не был и не будет инициатором конфликта. Китайская позиция чаще всего была реактивной. Страна может не обратить внимание на какие-то действия, она может терпеливо ждать, накапливать претензии. Китай определяет, что главное, а главное – благополучие страны и народа.

А.В. Хотелось бы пожелать Вам бодрости, живости и сохранения Вашего оптимизма. Спасибо большое за Ваше внимание к читателям нашего журнала.